

никъ. Когда, въ 12-мъ году, вѣсть о войнѣ съ Наполеономъ дошла до князя Андрея, то онъ попросилъ у Кутузова перевода въ Западную армію, гдѣ (онъ это зналъ) находился и Анатолий Курагинъ, его соперникъ.

Всѣ послѣдующія событія захватили князя Болконскаго, лишили его прежнихъ болѣзненныхъ ощущений, притупили ихъ. Оставленіе Смоленска, извѣстіе о смерти отца, его пріѣздъ въ Лысыя Горы, гдѣ все было разорено, — столько ощущений испытано имъ, что все прошлое куда-то отошло или временно оставило его. Ненависть къ французамъ сдѣлала войну въ его глазахъ необходимой, смерть не страшила его, — такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ему; но когда, раненый тяжело, онъ приходитъ въ себя, то жизнь становилась дорога ему. Что-то было въ жизни, чего онъ не понималъ, но что привязывало къ ней.

Встрѣча его съ Анатолемъ произошла совершенно при другихъ условіяхъ, чѣмъ воображалъ князь Болконскій. Анатолю ампутировали ногу въ той самой палатѣ, гдѣ лежалъ тяжело раненый князь Андрей. Слушая стоны Анатоля, самъ сильно страдая, онъ хотѣлъ плакать, — злоба, ревность, мщеніе не имѣли уже мѣста въ его размягченномъ сердцѣ.

«Состраданіе, любовь къ братьямъ, къ любящимъ, любовь къ ненавидящимъ насъ, къ врагамъ, да, та любовь, которую проповѣдывалъ Христосъ на землѣ, которой меня учила сестра княжна Марья и которой я не понималъ. Вотъ отчего мнѣ было жалко жизни, вотъ оно то, что еще оставалось во мнѣ, если бы я былъ живъ. Но теперь уже поздно, я знаю это».

Итакъ, злоба и мщеніе къ сопернику уступили мѣсто прощенію и даже любви. Судьба приводитъ его,